

ПРОЛОГ

Ресторан «Люйянчунь» славился на весь Чэнду стильными интерьерами и изысканным меню. Но даже аппетитные ароматы не могли отвлечь от мыслей, кружащихся среди нот и волнующих воспоминаний.

Все-таки музыка — волшебный язык, не знающий преград и барьеров.

Сегодня музыка растрогала исполнительницу едва ли не больше слушателей. Она играла, слегка прикусив губу и закрыв глаза, словно вместо тонких струн в скрипке были натянуты ее чувства.

Элегия¹.

Одно из лучших произведений Шопена. Раньше она редко его исполняла — боялась, что фортепианная партитура, переложенная на скрипку, утратит свое очарование. Теперь ясно — она ошибалась. Если по-настоящему глубоко понимать музыкальный рисунок, разница в звучании инструментов ничуть не уменьшит силу высказывания.

Когда смолкла последняя нота, на мгновение повисла тишина. Затем стали раздаваться отдельные несмелые хлопки, постепенно переросшие в громкие аплодисменты. Гул нарастал, но девушка, словно погрузившись в транс, продолжала сидеть неподвижно.

¹ Имеется в виду этюд № 3 (Étude Op. 10, No. 3), который также называют «Прощальный вальс» или «Прощание». — *Здесь и далее прим. пер.*

Никакие овации не могли бы сейчас соперничать с нежным ароматом одной лилии.

Вскоре аплодисменты начали стихать. На сцену вышел официант и легко коснулся плеча девушки.

— Я вас провожу. Тот, кого вы ждали, сегодня не явился.

В широко распахнутых глазах девушки читалось отчаяние, однако большие зрачки остались безжизненными. Она устремила невидящий взгляд в сторону одного из столиков ресторана.

На ее лице застыло выражение боли и растерянности¹.

¹ Здесь и далее: все события прошлого, на которые опирается повествование автора, описаны в его романах «Письма смерти» и «Знаки судьбы».

Глава 1

ТЮРЬМА

*30 марта 2003 года
Тюрьма города Чэнду*

Становилось теплее, появлялись первые цветы, и яркий солнечный свет разливался по земле, пробуждая все живое. День выдался прекрасный. Впрочем, даже под прозрачным голубым небом оставались уголки, куда не могло добраться солнце.

Свет заслоняла высокая стена, неприступная, сложенная из камней в полметра шириной. На ней холодно мерцала колючая проволока под напряжением — она удерживала цветущую весну снаружи, а мрачную зиму внутри.

За стеной лежали окраины города: несколько домишек среди полей. Вдруг по узкой дороге к южному краю стены подъехал сине-белый фургон. Вооруженный полицейский спрыгнул с пассажирского сиденья и направился ко входу, сжимая в руке какие-то документы. Вскоре он оказался у массивных стальных ворот; на табличке рядом с ними жирными черными буквами значилось: «Тюрьма № 1 города Чэнду».

Полицейский показал документы охраннику и прошел через ближайшую боковую дверь. Спустя десять минут медленно открылись главные ворота, и полицейский вернулся к машине. Снова усевшись на пассажирское сиденье, он сказал:

— С бумагами я закончил. Едем в четвертую тюрьму строгого режима.

Водитель вывел фургон через ворота, и те тут же закрылись с глухим лязгом, отрезая солнечные лучи.

В кузове фургона сидели на скамейках восемь осужденных, в наручниках и кандалах, с бритыми головами; их сопровождали двое вооруженных до зубов полицейских. На звук захлопывающихся ворот один из арестантов, парень в очках, оторвал глаза от пола и попытался выглянуть в окно.

— Куда смотришь? — рявкнул конвоир. — Голову вниз! Молодой человек поспешно опустил взгляд.

Скоро вдоль дороги потянулись ряды домов. Водитель, судя по всему, хорошо знал маршрут и уверенно петлял по улочкам, пока не остановился у стоящей посреди пустыря многоэтажки. Она походила на металлический ящик тусклого серого цвета: монотонность унылого фасада нарушали лишь несколько крошечных окон, все с железными решетками.

К фургону подошли трое охранников.

— Снимайте кандалы, берите свои вещи и на выход. Построиться! — скомандовал один из конвоиров.

Он открыл дверцу и прыгнул на землю, затем бросил связку ключей к ногам арестантов. Те выполнили приказ: сняли кандалы, схватили свои сумки и выстроились в шеренгу позади машины. Парень в очках растерянно смотрел на мрачное, похожее на гробницу здание. Щуплый и узкоплечий, он резко выделялся среди крепких коренастых мужчин.

Конвоиры обменялись с тюремными охранниками парой шуток и вскоре уехали, оставив привезенный груз коллегам. В троице охранников лидером явно был тот, что стоял посередине: на вид около тридцати пяти, невысокого роста, но хорошо сложенный и энергичный. Его тигриные глаза со вздернутыми вверх внешними уголками смотрели пронизательно и спокойно.

Когда он обвел взглядом новых подопечных, все они как один опустили головы.

— За мной. Строй не нарушать.

Ослушаться никто не посмел. Полицейские направились к зданию, осужденные последовали за ними. Железная дверь в юго-восточном углу открывалась в узкий коридор, и только пройдя по нему и дважды повернув, они наконец попали в здание.

Перед вошедшими лежал длинный холл размером с три баскетбольных площадки. Его опоясывали на четырех этажах коридоры, вдоль которых размещались камеры. Света от нескольких маленьких окон не хватало, поэтому даже днем тут горели лампы.

В окошках на дверях камер одно за другим появлялись лица — заключенные хотели поглазеть на новичков. Многие проводили здесь уже не первый год, и свежая кровь означала разнообразие в монотонной рутине дней. Глядя на вновь прибывших, заключенные улюлюкали, свистели и кричали «Левой! Левой!». Парень в очках, столкнувшись с совершенно не знакомым ему миром, невольно замедлил шаг.

— Тихо! — проревел главный охранник. Когда гвалт утих, он приказал арестантам построиться в центре зала, а потом командовал: — Сумки открыть и положить на пол. Одежду снять.

Все подчинились, только парень в очках замешкался, снимая куртку и брюки.

— Чего ты там возишься? Шевелись! — прикрикнул на него молодой охранник, угрожающе взмахнув электрической дубинкой.

— Ха! Просто мелкий у нас еще стесняется! — С третьего этажа донесся издевательский смех.

Парень залился краской — арестанты справа и слева от него уже стояли в одних трусах. Тогда он нервно облизнул губы, стянул с себя одежду и застыл на месте, чувствуя на себе десятки насмешливых и бесцеремонных взглядов.

Молодой охранник принялся с помощью дубинки ворошить лежащую в сумках одежду, выискивая запрещенные предметы. Заключенные начали обсуждать новичков.

— Смотрите, какая у очкарика белая кожа! Совсем как у девчонки!

— Проверьте-ка его получше! Вдруг у нас тут транс объявился...

Парень сжался, словно хотел свернуться клубочком, как ежик. К счастью, для насмешек быстро нашелся новый объект.

— О, смотрите на второго справа, с наколками!

— Орел на спине крутой!

— Ага, крутой, как моя задница... Голова слишком маленькая и на член похожа. Вот доберусь до него и набью на этом петухе клетку, чтоб не кукарекал мне тут.

Обладатель татуировок — высокий, мускулистый и угрюмый — был из тех, кто часто влипает в неприятности, и точно не из тех, кто молча выслушивает оскорбления. Он повернулся в сторону, откуда донеслось последнее замечание, и рявкнул:

— Ты труп, ублюдок!

Его оппонент лишь насмешливо хмыкнул. Мужчина с татуировками счел это капитуляцией и гордо вскинул голову. Потом случилось нечто странное. Голоса стихали один за другим, пока не повисла гробовая тишина. Татуированный стал в замешательстве озираться и, поймав на себе сверлящий взгляд главного охранника, замер, будто громом пораженный, а затем поспешно отвернулся, чувствуя почему-то жгучий страх и досаду.

— Видимо, вы не знаете, кто я? — спросил охранник, не сводя глаз с татуированного, но обращаясь ко всем новоприбывшим.

Некоторые покачали головами.

— Меня зовут Чжан Хайфэн. Я начальник четвертой тюрьмы. Можете обращаться ко мне начальник Чжан. — Он опустил голову и, похлопывая по дубинке, задал еще один вопрос: — Где вы сейчас находитесь?

Ответить никто не решился. Начальник Чжан медленно приблизился к татуированному, сложил у его уха ладони рупором и громко повторил:

— Где вы сейчас находитесь?

Заключенный отшатнулся и неуверенно произнес:

— В тюрьме.

Начальник издал странный звук — не то злобное хмыканье, не то смешок. Татуированный не смог истолковать ответ, но на всякий случай услужливо хохотнул. Однако, едва сорвавшись с губ, его смех вдруг перешел в крик, а потом в мучительное завывание.

Остальные арестанты, и особенно парень в очках, округлили глаза от страха. Вскоре они поняли, в чем дело: начальник Чжан ткнул электрической дубинкой в подмышку татуированного. Тот забился в конвульсиях, а затем рухнул на пол и свернулся калачиком.

— В тюрьме? Думаешь, ты в обычной тюрьме? — Начальник Чжан обдал лежащего у его ног человека ледяным взглядом. — Тогда неудивительно, что ты себя так ведешь.

Татуированный ловил ртом воздух. Электрический заряд парализовал мышцы, и мужчина с трудом мог сделать вдох. Начальник Чжан пнул его и гаркнул:

— Встать!

С лицом белее снега арестант с трудом поднялся на ноги. Начальник Чжан, не обращая больше на него внимания, стал прохаживаться вдоль шеренги новичков.

— Объясняю, куда вас занесло. Это тюремный блок номер четыре, зона строгого режима. Если вы здесь, значит, вы — закоренелые преступники, и применять к таким отбросам самые суровые наказания для меня одно удовольствие.

Хотя говорил он негромко, в голосе слышалась сила. Начальник Чжан все еще держал в руке жужжащую дубинку. Когда он проходил мимо, арестанты бледнели в ожидании внезапного выпада и волны боли. Начальник остановился перед парнем

в очках и несколько секунд смотрел на него в упор. Тот закусил губу, не смея даже сделать вдох. Увидев его страх, начальник Чжан словно повеселел. Он выключил электрошокер.

— Естественно, вас прислали сюда не для того, чтобы я вас наказывал. Нет, моя работа — спасти вас, уберечь от падения в пропасть и наставить на правильный путь. Однако сейчас вы должны запомнить лишь одно слово: подчинение! Если я говорю делать — вы делаете. Если говорю не делать — вы молча поджимаете хвосты. Ясно?

— Ясно! — хором отозвались новички, за исключением татуированного, который еще не оправился после удара током. Он открыл рот, но не смог издать ни звука.

Начальник Чжан нахмурился и, кивнув на него, сказал другому охраннику:

— Этот, похоже, уснул. Ну-ка, взбодри его.

Охранник подскочил к татуированному и ткнул потрескивающей дубинкой ему в живот. Тот вскрикнул и снова рухнул на пол. Охранник наклонился и не убирал дубинку, даже когда татуированный несколько раз проревел: «Ясно!»

Начальник Чжан стоял, заложив руки за спину, позволяя заключенным слушать сдавленные крики, и только через полминуты остановил охранника.

По лицу татуированного текли слезы, рот перекосялся. Однако он, не дожидаясь приказа, тяжело встал на ноги и вернулся в строй. Теперь орел на его спине был весь в грязи и больше походил на потрепанного воробья, чем на гордую хищную птицу. Начальник Чжан, напротив, выглядел весьма довольным собой.

— Ладно, отведите их в камеры, — бросил он.

Следуя указаниям охранников, заключенные накинули на себя рубашки, схватили все остальное и друг за другом зашагали к лестнице.

— Как тебя зовут? — вдруг окликнул начальник Чжан парня в очках, когда тот проходил мимо.

— Хан Вэньчжи, — ответил парень, вытянувшись в струнку. Начальник хмыкнул.

— Мне про тебя все известно. Но раз ты теперь здесь, следуй нашим правилам. Ты ничем не отличаешься от остальных, поблажек не жди. Понял меня?

— Понял, — глухо отозвался Хан Вэньчжи.

— Хорошо. — Начальник Чжан взмахнул рукой. — Можешь идти.

Шеренга двинулась по тюремному коридору. Время от времени охранники останавливали строй, отпирали дверь и запускали в камеру одного из новичков. Наконец добрались до последней камеры на четвертом этаже, в юго-восточном углу здания. Один из охранников открыл металлическую дверь.

— Заходи, — кивнул он Хану Вэньчжи.

Тот взглянул на номер камеры — 424¹ — и вошел, чувствуя подступающую волну отчаяния.

Когда дверь за ним захлопнулась, из коридора донесся голос:

— Парнишка хрупкий, так что вы с ним полегче.

— Не волнуйтесь, охранник Чжоу, — усмехнулся кто-то в глубине камеры. — Мы не посмеем доставить неудобства нашему славному государству.

Хан огляделся. Камера площадью чуть больше десяти квадратных метров. Слева от входа крошечный туалет, от которого шел жуткий смрад, а справа — металлическая двухъярусная кровать. На верхней койке кто-то лежал, а нижняя пустовала.

— Очкарик, вон твое место, — сказал мужчина, отвечающий охраннику, и махнул рукой в сторону свободной койки. Сам он развалился на нижней полке у стены, напротив него сидели еще трое заключенных.

¹ В китайской культуре цифра 4 считается несчастливой, поскольку при прочтении иероглифы «четыре» и «смерть» созвучны.

Хан Вэньчжи заискивающе улыбнулся, прикидывая в уме: три кровати, шесть человек — он занял последнее место в камере. Бросив вещи на кровать, Хан сел, чтобы натянуть брюки.

— Эй, недомерок, одеваться тебе не разрешали! — крикнул парень с дальней койки. Несмотря на юный возраст — на вид ему не было и двадцати, — глаза на хмуром лице глядели злобно.

Хан замер, вцепившись в брюки обеими руками.

— Иди сюда, — подозвал его первый мужчина.

Сам он все еще полулежал в нарочито расслабленной позе — вероятно, такое мог себе позволить только местный главарь. Хан положил брюки на кровать и приблизился. Глава — лет сорока, невысокого роста, но крепко сбитый, левую щеку пересекал шрам от пореза — осмотрел Хана с головы до ног, будто хотел увидеть самое его нутро.

— Ты что, мать твою, немой? — Юный головорез подскочил к Хану и отвесил ему подзатыльник. — Почему не поздоровался со братцем¹ Пинем? — Увидев у Хана искры гнева в глазах, он добавил: — На неприятности напрашиваешься?

— Ха, ну надо же! У дохлика, я гляжу, есть характер! — рассмеялся другой заключенный. — Ты не забыл, где находишься?

Голос доносился с койки напротив, и Хан узнал в нем того, кто подначивал татуированного.

— Здравствуй, братец Пин, — кротко сказал Хан, решив подавить гнев и не привлекать лишнего внимания.

Братец Пин хмыкнул, а потом спросил:

— Как тебя звать?

— Хан Вэньчжи.

— Ну вот, приличное имя для приличного человека. — Братец Пин снова смерил Хана взглядом. — Почему же ведешь

¹ Б р а т е ц — почтительное обращение к мужчинам своего поколения в Китае.

себя так некультурно? Тебя манерам не учили? Придя в чужой дом, нужно поздороваться с хозяевами.

— Да, братец Пин. — Хан послушно кивнул, затем повернулся к трем его соседям. — Я здесь недавно и не знаю всех правил, поэтому простите мою оплошность.

Братец Пин представил каждого из троицы:

— Это Черныш Хэйцзы, это Шань, а мелкий — это Шунь.

Хан поприветствовал их, каждого называя братцем. Чернышу — высокому и широкоплечему — и Шаню — среднего роста и худощавому — действительно было уже за тридцать, а вот к юному Шуню почтительно обращаться Хану пришлось себя заставить.

Мужчина на койке у входа до сих пор даже не шевельнулся. Хан замаялся, не зная, следует ли представиться и ему тоже. Пин, угадав мысли Хана, сказал:

— Он спит, потом познакомишься.

По презрительному хмыканью Черныша стало ясно, что у них со спящим непростые отношения.

— О, скоро ужин... — Пин шумно втянул носом воздух.

Теперь и все остальные почувствовали слабый запах еды.

— Мне ведь сегодня положена двойная порция, верно? — Черныш оживился и потер руки.

— Верно, только не нервничай, — усмехнулся Шань. — Старик Чжан тот еще гад, но слово свое держит. Так что за сегодняшнее награду ты точно получишь.

— Да уж, ты прямо в ударе! — встрял Шунь. — Набить клетку на петухе — надо ж такое придумать!

Черныш гордо вскинул голову.

— Ну, я всех насквозь вижу, что тут скажешь. Я как глянул на этих салаг — сразу понял, что возиться стоит только с татуированным. Вот и результат! Приз будет за мной.

Ясно. Над новичками сегодня издевались по приказу начальника Чжана. Мотив очевиден — вычислить самого дерзкого и проучить в назидание остальным.